

У Ван Сюаня уже затекли ладони, поэтому он лишь лениво сводил их вместе, не издавая ни звука.

— С виду такой утончённый, а на деле — сущий кровопийца.

— Ещё бы не утончённый, — хмыкнул Гоудань. — В свете его только и зовут что «просвещённым коммерсантом». Пишет кистью, сочиняет стихи, малюет пейзажи — каков деятель, а? Только и слышно: «ах, сменил перо на купеческую гильдию!» Мол, не подайся он в бизнес, непременно стал бы великим живописцем или каллиграфом. Рядом с ним я, дипломированный выпускник, выгляжу неотёсанным мужланом. Понятно, что это наполовину лесть и подхалимство, но пишет он и впрямь недурно.

— Чужая душа — потёмки, — вздохнул Ван Сюань.

— Твоя правда. Помнишь, как у Маркса в «Капитале»? Ну, вернее, он там Даннинга цитировал: «Обеспечьте капиталу десять процентов прибыли, и он согласен на всякое применение; при ста процентах он попирает все человеческие законы, а при трёхстах — нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, пусть даже под страхом виселицы». Если смута и раздор сулят барыш, капитал будет раздувать их. Контрабанда и рабство — тому живое доказательство.

Ван Сюань удивлённо покосился на него. Гоудань поймал его взгляд и пояснил:

— Я к тому, что выгода правит миром. Когда на кону стоят миллионы, человеческая жизнь превращается в пустую формальность. Эти господа привыкли смотреть на всех с высоты своего олимпа. Деньги — штука полезная, но именно они возвращают самых страшных чудовищ.

— Ну нет, деньги тут ни при чём, — мягко возразил Ван Сюань. — Зло творят люди, а не купюры.

— И то верно, — согласился Гоудань.

Шепчась друг с другом, они походили на мальчишек-заговорщиков — спевшихся, язвительных, единых в своей неприязни к хозяину приёма. Да и как тут не злиться, когда этот господин намылился прибрать к рукам их законную долю рынка?

Пока на трибуне разливались соловьем, устраивая помпезное шоу, двое заговорщиков вели свой собственный, куда более важный разговор. Высокие речи о дружбе и сотрудничестве пролетали мимо ушей — оба лишь дежурно улыбались, сохраняя безупречные мины. В конце концов, они давно крутились в этих кругах и умели держать марку. Да и кого здесь можно было обмануть? Каждый из присутствующих имел свои каналы связи и прекрасно знал, кто чего стоит.

Светский раут — игра компромиссов. Глупо лезть на рожон и показывать зубы. Здесь принято желать конкуренту скорейшей кончины с самой лучезарной улыбкой на лице, обнимая его за плечи, словно родного брата. Классическая игра в любезность, где за каждым ласковым словом прячется отточенный клинок.

Едва переступив порог дома, Ван Сюань принялся стягивать надоевший галстук.

— Умотался всклень, — пожаловался он. — Я после суточного дежурства в операционной так не уставал. Ладно бы просто ноги гудели, так ведь ещё и морально выжали досуха.

Каждый юлит, цедит слова сквозь зубы, правды днём с огнём не сыщешь. Сегодня вы братаетесь за рюмкой дорогого коньяка, а завтра он хладнокровно вонзит тебе нож в спину. Бизнес — та же война, только без окопов.

— Бедный ты мой братец Гоудань, — ласково протянул Ван Сюань. — И как ты только терпишь эту фальшь изо дня в день? Какое же это мучение — горбатиться ради копейки в дом.

— Дело привычки, — ухмыльнулся Гоудань, сбрасывая пиджак. — Обычная пирамида: я заглядываю в рот тем, кто богаче меня, а те, кто беднее, пресмыкаются передо мной. На том и стоит этот мир. Вот погоди, стану одним из главных богачей в стране — тогда куда ни приду, все будут стелиться передо мной ковром. Красота!

— Ладно уж, так и быть, погреюсь в лучах твоей славы, — рассмеялся Ван Сюань. — Стану мужчиной самого богатого человека в Китае. Звучит солидно! Почти как любимый наложник при императорском дворе.

— Какая ещё наложница? — возмутился Гоудань. Он стащил носки, небрежно зашвырнул их в угол и с разбегу повалил Ван Сюаня на диван. — Наложница — это приживалка, а ты у меня полноправный владыка. Ты — император, а я твой верный слуга. Моё дело — казну пополнять, твоё — тратить.

— Эй! Руки убрал! Ты же их не мыл после того, как носки вонючие трогал! Наглец!

Они со смехом покатались по ковру, шутливо борясь и пытаясь уложить друг друга на лопатки, словно расшалившиеся мальчишки. Наконец оба затихли — взъерошенные, тяжело дышащие. На щеках Ван Сюаня проступил яркий румянец, искусанные губы заалели. Борьба вышла не на шутку жаркой.

Гоудань обхватил ладонями его лицо и с шумным «чмок» дважды поцеловал в полуоткрытые губы. После этого они улеглись плечом к плечу, переводя дух.

— Я вот сегодня присмотрелся к вашей публике, — лениво проговорил Ван Сюань, глядя в потолок. — У вас, воротил, оказывается, свои кланы? Прямо кружки по интересам.

— А когда это люди не сбивались в стаи? — хмыкнул Гоудань. — Бизнесмены делятся на две касты. Первые — потомственные богачи, мажоры, родившиеся с золотой ложкой во рту. Они с пелёнок привыкли к роскоши и власти. Вторые — выходцы из низов, вроде меня. Раньше нас презрительно величали «лапотниками». Мы пробились сами, просто вовремя подсустились и поймали волну. Для старых денег мы — безвкусные выскочки, нувориши. Хотя лично меня чаще зовут солидным инвестором, всё-таки за плечами диплом столичного вуза. Это выгодно отличает меня от деревенских воротил, у которых за душой только шахта под боком да шальные деньги.

Он немного помолчал и продолжил:

— Вот и получается: породистые господа воротят нос от тех, кто поднялся из грязи. Для простых людей наша история — пример для подражания, а для этих снобов — дешёвка, не заслуживающая внимания. Они в принципе привыкли смотреть на мир свысока. Ну а селфмейд коммерсанты платят им той же монетой, считая их беспомощными маменькиными сыночками, выехавшими за счёт папочкиных связей. Сколько людей, столько и мнений. Но когда пахнет наживой, все обиды забываются. Тут важна чистая математика. Взять хотя бы нашу Корпорацию «Триумф». Мы прекрасно работаем с Группой компаний «Голубой щит», хотя в Южных регионах грызёмся с ними за каждого клиента. Бизнес есть бизнес. Личные симпатии — в сторону, главное — чтобы капал процент. Но на фуршетах, конечно, всяк ищет ровню. Свояк свояка видит издалека.

— От твоей болтовни у меня голова кругом, — вздохнул Ван Сюань. — Давненько я не вникал в эти интриги, совсем разучился просчитывать ходы. Надо бы почаще практиковаться.

Спустя два дня наступили выходные — теперь, по новым правилам, у людей было целых два дня отдыха. Чжэн Хун ехала в дребезжащем автобусе, судорожно сжимая в руках увесистый свёрток. Лицо её то бледнело, то заливалось краской — девушку явно терзали глубокие сомнения.

Проводив взглядом проплывающие за окном серые безликие многоэтажки, она шумно вздохнула и упрямо тряхнула головой. Была не была! Раз уж приехала, отступать поздно.

В пакете лежали гостинцы от матери: пара вязаных свитеров и четыре пары простых холщовых тапочек на верёвочной подошве. Самые настоящие самодельные чуни, сшитые вручную.

Грех жаловаться: сейчас их семья жила в полном достатке. Чжэн Хун прекрасно понимала, что сытой и спокойной жизнью они с матерью и братом обязаны исключительно старшему брату. Без его негласной поддержки они бы до сих пор перебивались с хлеба на воду.

Теперь она училась на первом курсе столичного вуза. Ей пришлось приложить нечеловеческие усилия, буквально сгрызть гранит науки, чтобы поступить в Пекин. Конечно, её институт не шёл ни в какое сравнение с престижным Пекинским университетом, где учился Гоудань, но всё же это было солидное, уважаемое заведение. Мать, когда узнала о поступлении, от радости

плакала беззвучно — говорить она не могла, но её сияющее лицо и непреходящая кроткая улыбка говорили красноречивее любых слов.

И ладно бы они бедствовали. Денег хватало и на еду, и на приличную готовую одежду, но матушка упорно продолжала шить всё сама. Да, вещи на Чжэн Хун и её младшем брате всегда были чистыми и отутюженными, но скрыть их поношенность было невозможно. К тому же фасоны выглядели донельзя устаревшими, а расцветки тканей — унылыми и серыми. Мать экономила на всём, откладывая каждую копейку на их учёбу и будущее обустройство жизни.

Чжэн Хун терпеть не могла эти матерчатые туфли. Мало того что они смотрелись убого, так ещё и моментально промокали в сырую погоду, быстро теряя форму и превращаясь в бесформенные тряпки. Деревенщина, да и только! А ведь она теперь студентка, девятнадцатилетняя девушка. В её годы всем хочется наряжаться и ловить на себе восхищённые взгляды. Однокурсницы щеголяли в модных обновках, и только Чжэн Хун вечно чувствовала себя серой замарашкой.

Полбеда, если бы мать заставляла носить это только её да братишку. Но отправляя посылку дочери в столицу, она умудрилась вложить туда долю и для старшего сына.

Даже со всей своей провинциальной наивностью Чжэн Хун понимала: Гоуданю эти обноски даром не сдались. Её брат ворочал миллионами, одевался исключительно в заграничные бренды, а стоимость одной его пары обуви, верно, равнялась бюджету их семьи за несколько месяцев. Выбросить посылку втихаря рука не поднималась — это было бы предательством по отношению к матери, которая ночами не спала, стирая пальцы в кровь над этой обувью. Но и заявляться с таким «подарком» к солидному брату было невыносимо стыдно. Настоящее убожество.

Чжэн Хун извелась вся, пока доехала до нужного места.

В прошлом году, когда она только поступила, у Гоуданя не нашлось свободного времени, чтобы встретить её на вокзале. Зато Ван Сюань, мельком услышав об этом в телефонном разговоре, тут же взял всё в свои руки. Он без лишних слов купил ей билет на самолёт — дорогущий, о котором она и мечтать не смела. Девушка уже взяла было плацкарт, но спорить не решилась и приняла щедрый подарок, хоть ей и было неловко из-за таких трат.

Сам старший брат держался с ними отстранённо и сухо, но исправно, из года в год, присылал к праздникам щедрые подарки. Ван Сюань всегда относился к ней с исключительной теплотой. Он уже дважды приглашал её на семейные обеды, благодаря чему она прекрасно знала дорогу к их дому.

Выйдя на остановке неподалёку от Поместья Изумрудного Сада, Чжэн Хун сориентировалась по сторонам и быстрым шагом направилась к главным воротам.

Безопасность в Поместье Изумрудного Сада была на высшем уровне. К счастью, Ван Сюань предусмотрительно выправил ей гостевой пропуск, так что Чжэн Хун просто приложила

пластиковый прямоугольник к валидатору на КПП и беспрепятственно миновала охрану. Посторонних сюда не пускали под дулом пистолета — требовалось либо личное сопровождение хозяев, либо долгая процедура регистрации.

В это время в гостиной Ван Сюань как раз предупредил партнёра о скором визите сестры. Гоудань лишь безучастно кивнул, не отрываясь от своих дел:

— Ясно.

Полноте, девчонка жила в столице второй семестр, давно должна была освоиться. Ладно бы помочь на первых порах, но Ван Сюань со своей вечной мягкосердечностью продолжал опекать её, регулярно навещая в общежитии с полными сумками продуктов и тёплых вещей. Самому Гоуданю подобные нежности даже в голову не приходили.

Впрочем, он ценил заботу своего мужчины. Ван Сюань деликатно сглаживал углы и поддерживал родственные связи, которые сам Гоудань давно бы забросил за ненадобностью. Всё же человек — существо социальное, и иллюзия семейного тепла спасала его от гнетущего чувства абсолютного одиночества.

Раздалась мелодичная трель дверного звонка. Шлёпая домашними тапками по паркету, Ван Сюань поспешил в прихожую.

— А вот и она. Быстро добралась.

Гоудань демонстративно зашуршал развёрнутой газетой. Проводив партнёра взглядом, он промолчал, хотя на языке вертелось колкое замечание. К детям матери от второго брака он не испытывал ни капли враждебности, но и родными их считать не мог. Тот же егоза Бэйшэн был ему куда ближе и понятнее этих тихих, забытых ребят.

К тому же при встречах брат и сестра сжимались от страха и теряли дар речи, начисто отбивая у него всякое желание вести светские беседы. Юный Бэйшэн подкупал своей детской непосредственностью и весёлым нравом, а эти двое уродились излишне кроткими и простодушными.

Родство душ — материя тонкая, его не вырастишь искусственно по первому требованию. Тут уж как карта ляжет.

— Братец Ван Сюань! — тихо поздоровалась зашедшая в прихожую гостья.

— Привет, Сяохун, проходи скорее, не стой на пороге.

Через минуту в гостиную робко вошла Чжэн Хун. Гоудань окинул сестру оценивающим взглядом и невольно поморщился. Взрослая барышня, невеста на выданье, а вырядилась в какую-то нелепую кофту из дешёвого ситца в весёленький цветочек, да ещё и застиранную до

блѣклости.

Она ведь приехала в столицу, в огромный мегаполис! Неужели нельзя было подобрать для поездки в город что-то более приличное? Фасон кофты отдавал глухой провинцией времѣн культурной революции.

Заметив, как нахмурился старший брат, Чжэн Хун испуганно замерла. Сердце её ушло в пятки: она панически боялась совершить какую-нибудь оплошность и прогневать грозного родственника.

— Здравствуй... братец, — едва слышно выдавила она, переступая с ноги на ногу.

Гоудань сдержанно кивнул, указывая на кресло.

— Присаживайся. На автобусе ехала? В следующий раз предупреждай заранее, я пришлю за тобой машину с водителем.

Девушка замахала руками от смущения:

— Что ты, братец, не нужно! Я отлично помню дорогу, сама прекрасно добираюсь.

В детстве она души не чаяла в старшем брате. Но годы шли, принося горькое осознание запутанных семейных тайн. Повзрослев, Чжэн Хун начала остро чувствовать непреодолимую пропасть между их скромным бытом и сказочным богатством семейства Ли. Былая детская непосредственность испарилась, уступив место мучительной зажатости и неловкости.

<http://bllate.org/book/19654/1996874>